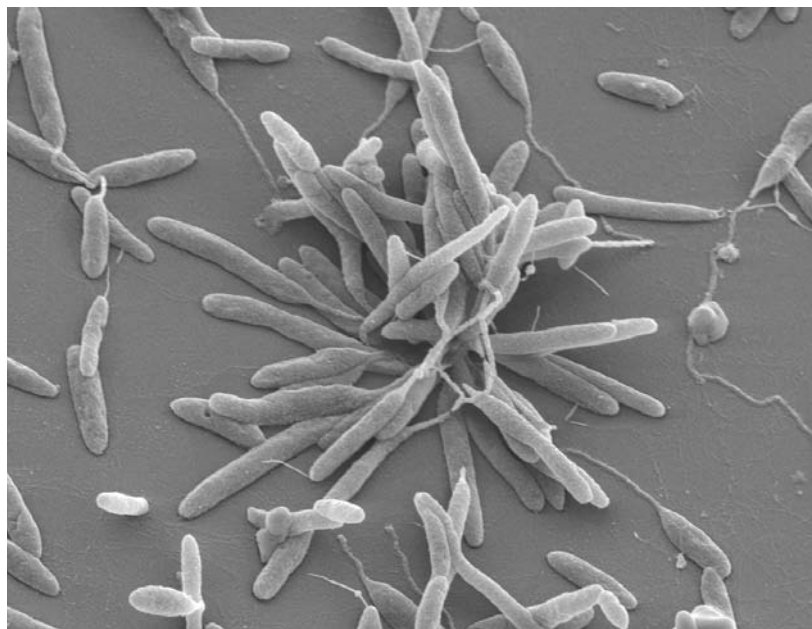

Другие игры

16

Мы продолжаем разговор на тему границ научности, которая была центральной во втором номере «Культиватора». После падения Советского Союза и отказа научного сообщества от «единственно верной» официальной идеологии в академической среде начали стремительно распространяться различные некритические и псевдонаучные теории. Вскоре подобными идеями оказались охвачены уже не только отдельные преподаватели или кафедры, но и целые университеты, в которых, надо сказать, и сегодня свободно преподается какая-нибудь «православная социология» или «научная теория» о родстве русских и этрусков. История одного из таких учений помогает понять, что способствует успешному социальному развитию подобных «пограничных» феноменов.

1. Алтайский казус

Специальное социологическое образование в Советском Союзе было сведено к минимуму. Будущие социологи учились в основном на экономических и философских факультетах. Ситуация стала меняться лишь в самом конце 1980-х, на волне «перестройки». В 1990 году уже в 19 вузах страны начался прием на специальность «социология».

В Алтайском государственном университете (АГУ) в 1989 году на базе созданной незадолго до этого лаборатории социологии молодежи была образована кафедра социологии, а еще через год открыт факультет социологии. Он быстро развивался и вскоре стал одним из крупнейших социологических факультетов в стране. Соцфак АГУ готовил не только социологов, но и специалистов по социальной работе, психологии и другим гуманитарным специальностям, фактически превратившись в небольшую образовательную корпорацию. Выпускники и сотрудники факультета работали в городской и краевой администрации, а губернатор Михаил Евдокимов назначил декана соцфака Святослава Григорьева своим советником.

Громкий успех алтайской социологической школы во многом стал результатом организационной активности С.Григорьева.

Основные идеи созданного им научного направления, которое получило название «социология жизненных сил» (или «этновитализм»), можно изложить так¹.

1. Каждый живой организм — в том числе и народ (этнос), понимаемый как единый «большой организм», — обладает определенным уровнем жизненных сил, которые позволяют ему развивать собственную субъектность.

2. Жизненные силы разнообразных общественных систем во многом определяются тем, каким ценностям следует большинство их представителей. Так, ценность коллективизма поощряет объединение людей ради совместной деятельности, суммируя их жизненные силы, а ценность индивидуализма наоборот, разобщает общество, снижая его жизненный потенциал и, соответственно, лишая его перспектив развития. Поэтому анализ динамики жизненных сил невозможен без внимательного анализа культурного процесса, в частности, динамики ценностных систем. Задача социологов — выявить ключевые факторы, влияющие на эту динамику. Марксизм, изучавший отношения социальных структур, по мнению этновиталистов, не разработал методологии анализа отношений ценностных систем и условий реализации биопсихосоциальных возможностей индивидов. Поэтому необходимо создание новой методологии.

3. Культуру этновиталисты, не мудрствуя, определяют как ценностную систему общества и совокупность институтов, поддерживающих эти ценности. (Так, институт образования крайне важен именно как механизм ценностной трансляции.) Подлинным субъектом культуры является общность людей, разделяющих единую систему ценностей. Таковую

17

общность этновиталисты называют этносом. Хотя общность происхождения играет важную роль для определения принадлежности к этносу, ведущим фактором является приверженность к определенной системе ценностей и готовность следовать ей в совместной деятельности.

4. Все люди принадлежат к определенным этносам. Для выживания этноса, в частности, необходим контроль над собственным жизненным пространством. Для этого этносы создают национальные государства и стремятся защитить свое жизненное пространство от чужих. Способность к такой защите — признак здорового (полного жизненных сил) этноса. Но враги стремятся подорвать жизненные силы этноса и национальную культуру, чтобы вторгнуться в его жизненное пространство.

В целом эта концепция не производит впечатления революционной. Это, в общем-то, не более чем особый язык, описывающий основные и «очевидные» (наблюдаемые на уровне обычного здравого смысла) явления. Кстати, в своем учебнике по основам современной социологии этновиталисты вполне обошлись и без «витализма», и без «жизненных сил». Чтобы предотвратить упреки во вторичности, они объявили этновитализм «неклассической социологической парадигмой», которую не следует подвергать традиционной методологической критике.

С начала 2000-х этновиталисты стали позиционировать себя как специалистов по защите жизненных сил славянского этноса от разрушительных влияний, а свои разработки — как методологию диагностики

18

и лечения угроз нации. В частности, ими был поставлен вопрос о необходимости разработки «социальной вирусологии», а также «социальной терапии». Остается только отметить, что источник разрушительного влияния этновиталисты видели в западной культуре, а главными проводниками его были евреи. Так научная по своей исходной самопрезентации школа со временем превратилась в один из влиятельных региональных центров «национально-патриотического фронта».

Влияние этновиталистов определялось отнюдь не глубиной и результативностью проведенных ими конкретных социологических исследований в регионе, а наличием эффектной наукообразной идеологии и активной группы тех, кто ее «продвигает».

Целью их политической деятельности провозглашалось оздоровление народа. Анализируя историю барнаульского этновитализма, С.Ушакин связывает такую ориентацию с тем, что социологическая группа, в которую входил Григорьев, изначально занималась изучением социального здоровья населения, и одной из важнейших тем для нее стала диагностика угроз здоровью — угроз в самом общем смысле. Этновитализм возникал как особый язык, на котором исследователям было удобно обсуждать актуальную ситуацию и перспективы ее изменений, вплоть до рекомендаций социотехнических действий. Но постепенно научная деятельность во многом превратилась в особую социальную практику, которая позволяла усиливать группу, пользуясь этим языком, и создавать базу для социальной, а потом и политической экспансии.

Конечно, говоря о казусе «виталистической социологии», необходимо иметь в виду весь тогдашний барнаульский интеллектуальный

ландшафт. В общественной жизни города были заметны «Славянское общество» (националисты с откровенными закосами в антисемитизм), участники очень активного на Алтае рериховского движения (самоназвание — «алтайский космизм») и прочие активисты «духовной культуры», разбуженные «гласностью», «перестройкой» и крушением официальной идеологии. Для всей страны в то время была характерна повышенная плотность культурных и интеллектуальных событий, причем многое тогда происходило впервые. Именно тогда во многих российских университетских центрах начали возникать и быстро развиваться новые научные направления — вместе с открытием новых кафедр, созданием новых вузов и диссертационных советов.²

Конкуренция в борьбе за городское публичное пространство была достаточно острой, и на этой почве могли создаваться самые невероятные идеологические союзы. Показателен такой случай. В 1999 году в Барнауле состоялся семинар по образовательной политике под руководством П.Г. Щедровицкого. Организаторы семинара не имели отношения к влиятельным интеллектуальным группам города. Те отследили

С начала 2000-х этновиталисты стали позиционировать себя как специалистов по защите жизненных сил славянского этноса от разрушительных влияний, а свои разработки — как методологию диагностики и лечения угроз нации. В частности, ими был поставлен вопрос о необходимости разработки «социальной вирусологии», а также «социальной терапии». Остается только отметить, что источник разрушительного влияния этновиталисты видели в западной культуре, а главными проводниками его были евреи.

странную флуктуацию поля мгновенно: трехдневный семинар еще не закончился, а в Администрацию края поступила «аналитическая записка», авторы которой обвиняли участников семинара в стремлении расшатать духовно-нравственные устои населения края. Под документом стояли подписи лидеров «алтайских космистов», которые на самом семинаре не присутствовали. Через несколько дней на имя заместителя председателя краевого Законодательного собрания было направлено «экспертное заключение» по поводу содержания материалов семинара за подписями С.Григорьева и С.Кинелева, в котором утверждалось, что «в Алтайском крае в значительной мере утрачен государственный контроль над развитием образования, наблюдается безответственное заигрывание с различного рода инноваторами от образования... Излишне доказывать, что все это ведет к разрушению культурных, национально-

государственных основ отечественного образования»³. В результате Школа гуманитарного образования, которая занималась организацией этой оргдеятельностной игры, была закрыта. Так этновиталисты продемонстрировали способность эффективно блокироваться с родственными, хотя и конкурирующими группами, для устранения вероятного конкурента в общественно-политическом поле.

Описанные события уже принадлежат прошлому. В середине 2000-х С.Григорьев покинул АГУ⁴, а его ученики занимают более мягкую пози-

В социологии науки подробно описана «борьба за внимание», благодаря которой делаются научные карьеры. Но в любом случае ученый — это прежде всего тот, кого признают ученым другие ученые.

цию. В конце 1990-х людей, привыкших к единообразной нормативной рациональности советских социальных наук, еще удивляло и поражало то, что может произойти, когда наука вырывается из-под прессинга рациональности на свободу. Десять лет спустя в этом уже ничего особенного нет. В Барнауле кто-то продолжает мыслить «этовиталистически», в Красноярске развивается «универсальная социология» Немировского, в Москве существует виртуальная Академия Тринитаризма, а на соцфаке МГУ творится то, что там творится...

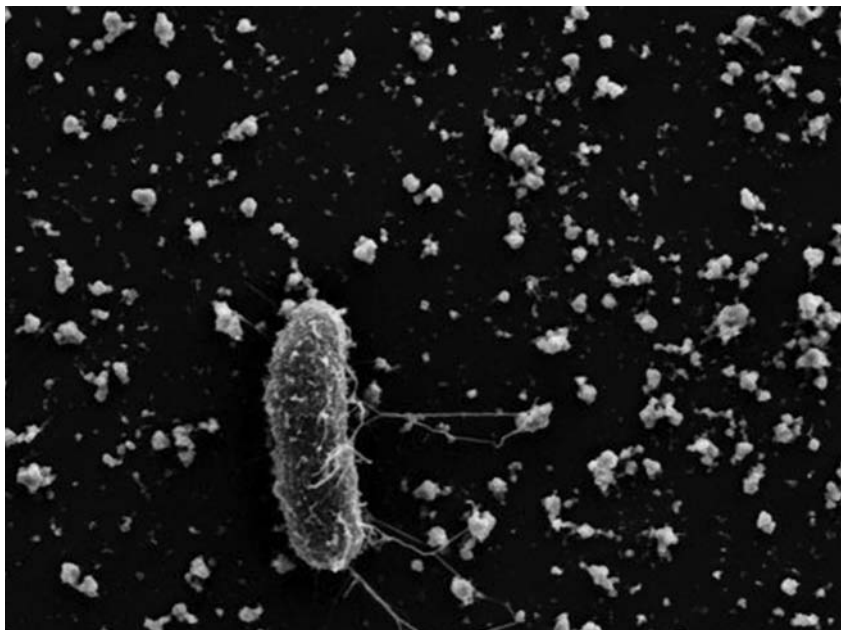
Так что же представляет собой «этовитализм» — лженаука это или псевдонаука?

II. Странная наука

Идея науки как рационального открытого исследования предполагает два условия. Если они не соблюдаются, то о науке речь идти не может.

Первое условие состоит в том, что результаты своих исследований исследователь представляет широкому профессиональному сообществу. Результаты обсуждения — критика и уточнения (фальсификация) — должны учитываться в ходе дальнейшей работы. Естественно, это подразумевает

поиск взаимопонимания и нахождение общего языка. Неправильное или «неадекватное» понимание — обычная причина споров между учеными. Но отсутствие таких споров свидетельствует либо об отсутствии искомого «синтеза интерпретации», либо об отсутствии «воли к сообществу», т.е. нежелании общаться с коллегами. Подобное нередко случается, когда коммуникативное сообщество ученых — это лишь возможный, но не необходимый восприимчивый получатель результатов. Кто же тот другой адресат, к которому могут быть обращены результаты

19

исследований? Иногда это представители власти (локальной и региональной), иногда — ВАК. А в некоторых случаях (подозреваю, что этновитализм — как раз из их числа) такой предполагаемый собеседник — непосредственно Русский Народ. Вчитается, поймет и воспрянет... Конечно, это по-своему интересная коммуникативная ситуация, но она уже очень далека от науки.

Второе условие научной деятельности: статус члена сообщества ученых является функцией от «вклада в науку», т.е. достигается исключительно как результат оценки представленных сообществу научных исследований. Это не значит, что ученые честно соизмеряют свои «вклады» и выбирают лучшего. В социологии науки подробно описана «борьба за внимание», благодаря которой делаются научные карьеры. Но в любом случае ученый — это прежде всего тот, кого признают ученым другие ученые. Понятно, что чем выше статус исследователя как, скажем, администратора, тем больше возможностей у него влиять на развитие какой-либо дисциплины и больше ресурсов, чтобы пытаться конфигурировать само поле науки. Но вот когда ученый может вообще не иметь никаких признанных вне круга его единомышленников результатов и успешно публиковать все новые работы, претендовать на публичное внимание (выступая как «эксперт» и знаток) и вести почти полноценную научную жизнь, — это находится за рамками философии науки как рационального проекта самопознания. Тем не менее для социолога или социального психолога это может представлять определенный интерес.

Социальная наука в России — это любопытный случай массового превращения научного знания в ресурс для достижения вненаучных целей. При этом такая «превращенная наука» вполне может выглядеть как дисциплинарно организованное научное исследование. Ее носители, отказавшись от участия в глобальном научном сообществе, накапливают свое собственное, «неконвертируемое» знание. Конечно, чтобы быть успешным в такой науке, требуется сформировать свое сообщество. Это будет сообщество, стоящее из своих: тех, кто готов говорить на данном языке (сколь угодно аутичном); кто готов признавать иерархии, определяемые статусами, которые не конвертируются в статусы и авторитет в иных научных сообществах; тех, кто готов принимать набор предуста-

Социальная наука в России — это любопытный случай массового превращения научного знания в ресурс для достижения вненаучных целей. При этом такая «превращенная наука» вполне может выглядеть как дисциплинарно организованное научное исследование. Ее носители, отказавшись от участия в глобальном научном сообществе, накапливают свое собственное, «неконвертируемое» знание. Конечно, чтобы быть успешным в такой науке, требуется сформировать свое сообщество.

новлений и постулатов, не признаваемых другими учеными. Эти предположения и коммуникативные установки не иррациональны, скорее они обладают особой рациональностью, и принять ее означает просто согласиться с некоторыми правилами социального поведения. (И тут уж никто не отнимет у исследователя его свободы: не хочешь играть в эти странные игры — не играй!)

Правила эти не так сложны и в основе своей имеют три понятных этических принципа: 1) лояльность (точнее, личная преданность), 2) доверие к власти и 3) согласие оценивать свои или чужие научные результаты только с точки зрения их полезности для развития данной группы. Привычка отличать среди коллег «своих» от «чужих» (с искренним безразличием к результатам «чужих») приходит само собой.

Те, кто играют по этим правилам, образуют особые научные сообщества. Со стороны может показаться, что эти сообщества устроены так, как обычно и устроено академическое сообщество: в них есть кандидаты и доктора наук, утвержденные государством в лице ВАКа (это важно для респектабельности). Первые преподают и редактируют научные сборники, вторые возглавляют кафедры, факультеты и «перспективные научные школы». Эти сообщества выпускают труды своих членов.

И необходимо, и престижно иметь внесенный в список ВАКа журнал, чтобы публиковать там своих аспирантов и аспирантов дружественных коллег «со стороны». Иногда необходимо проводить конференции. И в условиях, когда списочное количество публикаций является важнейшим критерием академической продуктивности, а санкции к производителям некачественной продукции со стороны широкого профессионального сообщества отсутствуют, такая стратегия вполне оправдывает себя. В общем, научная жизнь как научная жизнь. Но, заглянув ближе, вчитавшись в тезисы этих конференций, вы вдруг обнаруживаете, что это какая-то странная наука. Там занимаются чем-то своим, пишут о чем-то своем, обмениваются ресурсами, делят властные полномочия... Накопление знания в таких замкнутых сообществах, несомненно, происходит; но о чем это знание, для кого это знание, и знание ли это вообще — вот в чем вопрос!

По пути создания замкнутых самовоспроизводящихся академических сообществ пошли различные группы ученых в постсоветской России⁵. Их можно было бы назвать «анклавы», и особенно хорошо такое «анклавостроительство» почему-то получается именно у социологов и философов. Соцфак Алтайского государственного университета примечателен прежде всего тем, что создатели «социологии жизненных сил» успели раньше и эффективнее других сформировать такое сообщество, раскрутить его и этим прославиться.

1

В дальнейшем автор опирается на работу С. Ушакина: Oushakine S. Patriotism of Despair. Nation, War and Loss in Russia. Princeton, Cornell Univ., 2009.

2

Об этом процессе: Любимов Л.И. Угасание образовательного этоса // Вопросы образования. № 2, 2009. С. 199-210.

3

Подробнее см.: Немцев М. Очерк истории Школы гуманитарного образования // От пятнадцати и старше. Новое поколение образовательных технологий. М.: Демос, 2006. С.150. Напоминаю, что цитируемый выше документ был написан в сравнительно либеральном 1999 году.

4

В настоящее время С.И. Григорьев — первый проректор Российского государственного социального университета.

5

Бляхер Л.Е. Парадоксы провинциальной политологии (записки провинциала) // Социологическое обозрение. Т. 1. № 1, 2001. С. 68-80.